

Художник Евгения Стерлигова

Часть первая
КАЗЁННЫЙ ДОМ

БЕЛАЯ ЧЕРТА

Клавдия выпросила машину и укатила на Побережье. На целый месяц. То есть это Корнелий так объяснял у себя в бюро: выпросила. И все, кажется, верили. Кроме Рибалтера, конечно. Рибалтер же зацвёл ехидной улыбочкой:

— Ну-ну. Похлопала тебя по животу и решила: «Лапочка, тебе полезно немножко поездить на монорельсе и походить пешком. А то смотри, котик, где твоя талия...» А?

Привычная проницательность Рибалтера на сей раз почему-то всерьёз разозлила Корнелия. Он бросил в коллегу пластиковым стаканом с карандашами:

— Когда-нибудь доиграешься со своим языком... Безында лысая...

Рибалтер, естественно, ржал, но в глазах мелькнула растерянность. Ругательство «безында» ему, кажется, было незнакомо. А Корнелий и сам не понял, с чего вдруг пришло на ум это бранное словечко школьных времён. Свои ученические годы старший консультант рекламного бюро «Общая радость» Корнелий Глас вспоминал крайне редко. Тоски по «розовому детству» никогда не испытывал. Особенно сейчас, на сорок втором году брэнного существования и почти через четверть века после окончания славного мужского государственного колледжа в благословенном городе Руте.

А монорельс и пешие прогулки — это и в самом деле оказалось неплохо. Через неделю Корнелий стал себя чувствовать моложе и веселее. Потолкаться среди пассажиров, поболтать с попутчиками, пока вагон свистит от Центра до Южного Вала, — одно удовольствие. И дорога от станции к дому — тоже. Ходьбы всего десять минут. Путь идёт вдоль заросших остатков древнего крепостного вала, мимо садов и коттеджей (обилие и весёлый вид которых свидетельствуют, без сомнения, о стабильности и процветании общества).

В пятницу работу закончили к обеду, и в три часа Корнелий вышел уже из вагона.

День стоял чудесный. Безветренный, ласково-жаркий, настоящий на запахах клумбовых растений. Сады дремали. На плитах тротуара лениво шевелились круглые солнечные пятна. За изгородями журчали влагораспылители. Всё было хорошо. И даже когда из боковой аллеи на тротуар выкатились трое растрёпанных загорелых пацанят, Корнелий глянул на них без обычного раздражения. Усмехнулся: «У, безынды...»

Самый маленький и тощий мальчишка, расставив руки и ноги, держался внутри широкого голубого обруча (видимо, среза пластиковой бочки), двое других толкали это колесо. Все трое весело вопили. Они проскочили рядом с Корнелием — пришлось посторониться. Он заметил, что один мальчишка — рыжий и щербатый. Но и это не испортило Корнелию настроения, хотя известно, что встретить щербатого и рыжего — не к добру.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЗЁННЫЙ ДОМ

Никаких, даже мелких, неприятностей не ожидалось. Наоборот! Впереди два выходных. И то, что Клавдия далеко и будет далеко ещё три недели, скажем прямо, тоже неплохо. Сейчас Корнелий придёт, поплещется под душем, приготовит земляничный коктейль с иголочками льда, потом повалится в гамаке на террасе и полистает «Всемирную панораму» и «Голос народа», которые достал из ящика утром, но посмотреть не успел. Затем, специально утомившись от послеобеденной жары, он опустит на окнах фильтры «лунный вечер зимой», нагонит кондиционером зябкого воздуха, закутается в плед, включит камин, откупорит бутылочку солоноватого и жгучего «Флибустьера» и сядет смотреть одиннадцатый выпуск сериала «Виль-изгнанник». Показывать будут, видимо, как Виль Горнер после своих приключений на море проник, неузнанный, в родной город, куда ему было запрещено возвращаться под страхом виселицы.

Конечно, чепуха, коммерческая лента. Но ведь смотрится, чёрт возьми! Как выпуск — так улицы пустеют. Видимо, недостаёт чего-то нашему благополучному бытию, если так тянет к экранному риску и приключениям... Впрочем, потому и тянет, что они экранные (Корнелий позволял себе иногда этакое ироническое философствование). Едва ли кто-то из восхищённых зрителей пожелал бы оказаться сам в лапах святейшего инквизитора или в компании зловеще-галантного пиратского адмирала Луи Тубрандера. И однако же что-то шевелится в душе, когда снова несётся из ящика песенка неунывающего Виля и герой очередной раз неутомимо скрещивает звенящую рапиру с дюжиной вражеских клинков.

Может, в каждом из нас, в самой глубине существа, всё-таки тайно живёт вот такой Виль Горнер? Может, это остатки наследственной памяти, еле слышный голос предков, для которых шпага была привычна, как фломастер для нынешних специалистов рекламного творчества? Или просто хочется «чего попроще», позанятнее? Рибалтер как-то хихикнул: «Все мы не прочь потреться о Гамлете, а кино предпочитаем про Робин Гуда...»

Ну и что? Чем он плох, Робин Гуд-то?

Все знают, как делается «видяшка», и всё же, когда смотришь, начинаешь верить понемногу, что были славные времена. Такие, когда честное слово было нерушимым, друзья — железными, любовь — горячей и вечной, а смысл жизни состоял в риске и поисках приключений.

Особенно хорошо смотреть и верить, когда сидишь у камина с «Флибустьером» и знаешь — никто не закричит из соседней комнаты: «Лапочка, ты не хочешь помочь мне наладить соковыжималку?!» Никто не усядется напротив и не станет допытываться: «Котик, это и есть Виль Горнер? Но ведь в прошлой серии его играл, кажется, Рене Хмель, а это Рэм Соната!» (и сдерживаешь себя до такой степени, что цветная голограмма экрана делается плоской и чёрно-белой).

Но сегодня Корнелию ничто не помешает насладиться двухчасовой серией «Изгнанника». Погонями, дуэлями и прочими элементами зрелища, достойного мужчин.

*Господа, мы пришли не на танцы!
Будем краткими — время бежит.
Секунданты, разметьте дистанцию
И покрепче забейте пыжи!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля!
Ля! Ля! Ля!*

С этой бодрой и, безусловно, достойной мужчины кино-мелодией Корнелий и приблизился к дому.

В двадцати шагах от решётчато-бетонной зелёной изгороди он вскинул над плечом ладонь. Со стороны могло показаться, что это какой-то ритуальный жест. Словно хозяин приветствует своё жилище (и вправду — полностью своё: полтора месяца назад господин Глас выплатил последний взнос за коттедж, участок и гараж!). Но на самом деле Корнелий просто освобождал из манжета и поворачивал к калитке запястье — чтобы уловитель-привратник издалека поймал излучение индекса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЗЁННЫЙ ДОМ

Электроника сработала, как всегда, без отказа, глухая калитка с шорохом отошла. И Корнелий Глас неторопливо ступил на свою суверенную территорию. Ласково голубели среди плюща идеально чистые стёкла. Цвёл шиповник. Над подстриженным газоном искрился миниатюрный фонтан.

Корнелий мельком, через плечо, глянул на почтовый ящик. Просто так, зная, что там пусто. Газеты и журналы пришли утром, а писем ждать было не от кого. Клавдия, если и вспомнит, писать не станет, позвонит. Дочь Алла тоже предпочитает телефон: регулярно даёт о себе знать раз в месяц...

Тем не менее за решётчатым оконцем ящика светлела бумага. Корнелий остановился. Тупым, несильным коготком царапнуло беспокойство. Бумага была желтовато-серая, казённая. На такой печатались квитанции, счета, извещения. На таком же листке была оттиснута повестка на сборы муниципальной милиции, которые Корнелий Глас «оттрубил» последний раз два года назад.

Что? Неужели опять? Полтора месяца казармы под начальством какого-нибудь кретина из корпуса уланов! Вроде старшего штатт-капрала Дуго Лобмана. Как он, скотина, тешил свою солдафонскую душу, измываясь над «господами интеллигентами»!

Да ну, чепуха! После сорока уже не призывают... Небось какой-нибудь бюллетень муниципалитета...

Успокоив себя, Корнелий дёрнул дверцу. Дёрнул всё-таки нервно. Листок скользнул мимо пальцев, упал на серую замшу башмака. Бумага была склеена вдвое. Ещё не нагнувшись, Корнелий прочитал единственное жирное слово:

ПРЕДПИСАНИЕ

Присев, он разорвал ленточку. И, медленно выпрямляясь, стал читать...

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... № 43-тр... С прискорбием извещаем Вас, что в связи с нарушением общественного порядка

(неправильный переход улицы 12 марта с. г.) Вы были внесены в штрафной список по графе 1/1 000 000 и 8 августа с. г. Машина юридической службы «ЮМ-3» при розыгрыше номеров данного списка указала Ваш индекс УМФ-Х 111344...»

Господи, что за чушь!

Такого не бывает...

Но ведь написано!

Слабея, он прислонился к бетонному столбу калитки.

Да нет, ерунда... Здесь что-то не то. Путаница чья-то...

Листок трепыхался в пальцах, как от ветра. В казённых бумагах не бывает ошибок... Но почему это именно с ним?! С какой стати?!

«...На основании данного выбора Машины Вы являетесь виновным в совершённом нарушении и подлежите смертной казни, производимой в административном порядке...»

Святые Хранители, да что это такое!..

Ну, в самом деле был случай. Он торопился на вечеринку к Рибалтеру и перебежал улицу Короля Наттона (абсолютно пустую!) чуть в стороне от светофора. И какой-то постовой улан-новобранец, коротышка с надутой от важности рожей, зашвистел, замахал светящейся палкой. Нацелил, идиот, уловитель индекса.

— Господин, задержитесь, вы нарушили!.. Ага, вот ваш индекс, зафиксируем... Получаете, сударь, шансик из миллиона. Немного на первый раз, но советую впредь быть осторожнее. Честь имею...

Корнелий с деланым сокрушением развёл руками. И он, и улан прекрасно понимали, что такое на практике миллионный шанс. Не в пример вероятнее казалась гибель от прямого попадания метеорита или редчайшей болезни «африканский волос». О происшествии на перекрёстке Корнелий весело рассказал на вечеринке, и все посмеялись. У некоторых было по несколько включений в штрафные списки, и не только в миллионные.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЗЁННЫЙ ДОМ

Специалист по торговому дизайну Виктор Буга, например, недавно влетел в «сотку» — за то, что на своём «Флюгшифе» наехал на цоколь памятника премьеру Крону. Ну и что — один шанс из ста! Пронесло, разумеется...

Кто-то, зевнув, сказал:

— Всё это чепуха. Миллионные списки вообще не рассматриваются. Сколько времени надо, чтобы набрать миллион нарушителей, составить программу...

Знатоки юридических тонкостей возразили, что делается это не так. Просто на диск с миллионом пустых ячеек вносятся врассыпную индексы тех, кто попал в нарушители за последние полгода. А потом лазерный искатель бежит по диску и наугад останавливается на одной из ячеек. Чаще всего, разумеется, на пустой. Лишь несносный Рибалтер похлопал Корнелия по плечу и сказал, что теперь тому будет сниться этот искатель в виде костлявого пальца, который шарит по списку, выискивая индекс человека по фамилии Глас. Корнелия на миг пробрало холодком. Он обругал Рибалтера, трахнул полстакана коньяку и больше о «костлявом искателе» никогда не вспоминал...

И вот...

Да нет же, нет! Наверно, он что-то не понял! Тут не так написано, не про то! И вообще это сон...

«Для вышеупомянутой процедуры Вам надлежит 14 августа с. г. к 10 часам утра явиться в муниципальную тюрьму г. Реттерберга. Перед явкой необходимо принять ванну, побриться, надеть чистое бельё. Провожающим Вас лицам не следует пересекать белую черту, нанесённую на дорожном покрытии в 100 метрах от тюремной зоны.

Урна с Вашим прахом будет доставлена членам Вашей семьи или другим лицам (по указанию) на дом в трёхдневный после акции срок. Если Вы одиноки, погребение будет осуществлено в городском колумбарии общего типа за счёт муниципалитета...»

Я! Не! хо-чу!

Корнелий, раздирая тонкий тетраклон пиджака, спиной сполз по столбу калитки. Сел в траву. Ноги остро согнулись. На обтянутое брючиной колено села жёлтая бабочка.

— Я не хочу, — убедительно сказал ей Корнелий. Потом заорал: — Пошла!!

Дёрнулся, чтобы вскочить, но опять мгновенно ослаб. Затем вспыхнула ослепительная надежда (почти уверенность!), что на листке — совсем не то! Весь этот ужас ему просто показался!

Он вскинул бумагу к лицу.

«...Право наследования автоматически передаётся ближайшим родственникам, причём распределение имущества между ними производится юридической Машиной в соответствии с существующим законодательством. Если Вы не имеете родственников, можете распорядиться имуществом при Вашей регистрации по прибытии в муниципальную тюрьму.

Муниципалитет предупреждает Вас, что при неявке в тюрьму и попытке уклониться от предписанной акции Вы будете доставлены под конвоем и подвергнуты казни по уголовному разряду в соответствии со статьёй 100/3 действующего законодательства. В этом случае Ваше имущество подлежит конфискации и родственники лишаются права наследования».

И всё. Больше ни слова. Ни лазейки, ни крошечной щёлочки для надежды. Никакой зацепочки. Фиолетовая печать юридического отдела муниципалитета, витиеватый росчерк делопроизводителя.

Но не может же быть, чтобы всё это вправду... А, вот в чём дело! Это не ему! Почта перепутала ящик!

Корнелий метнулся глазами к началу «Предписания».

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... С прискорбием извещаем Вас, что...»